

Матушка...

Тахуа обязательно оправдает ваши ожидания.

На следующий день, в час Дракона.

Хуа Буюй был разбужен Чжэуа ещё в час Кролика, чтобы умыться и привести себя в порядок. Хотя внутренне он был уже человеком в возрасте нескольких десятков лет, его тело всё ещё оставалось детским, и ранний подъём давался ему с трудом.

После того как он завершил все приготовления, в полусне повторил вчерашний урок, Чжэуа наконец разрешил ему немного поспать в задней части зала, где должна была пройти церемония принятия в ученики.

Примерно за время, необходимое для сгорания одной благовонной палочки, до начала церемонии Чжэуа наконец пришёл за ним.

Хуа Буюй не спал, а использовал это время, чтобы прийти в себя. Лежа, он много о чём размышлял, и, услышав зов Чжэуа, тут же встал и послушно вышел.

Помост для принятия в ученики Бессмертного владыки Тяньюань был огромен, окружён горами со всех сторон. В конце концов, это было высшее существо в мире бессмертных, и никто не осмеливался не оказать ему должного уважения. Все влиятельные лица мира бессмертных собрались здесь.

Хуа Буюй оставался спокойным, следуя за Чжэуа и внимательно разглядывая окружающих. Он заметил, что многие совершенствующиеся выглядели уставшими, вероятно, их срочно вызвали обратно. Напротив, двадцать два бессмертных из Врат Тяньюань и двадцать восемь бессмертных из Четырёх великих бессмертных сект, хотя и выглядели бодрыми, их лица были не слишком радостными.

Увидев столько знакомых лиц, Хуа Буюй не мог не вздохнуть. После сегодняшней церемонии принятия в ученики Высший мир совершенствующихся больше никогда не будет таким собранным.

— Ты запомнил всё, что я тебе говорил? — тихо спросил Чжэуа.

— Угу, — кивнул Хуа Буюй.

— Тогда поднимайся, время пришло.

Едва Чжэуа произнёс это, раздались шаги, и сзади появились несколько юношей, выстроившихся в ряд. Чжэуа встал среди них.

Хуа Буюй поднялся по ступеням на помост для принятия в ученики. В центре помоста сидел Цзи Цаншэн.

Церемония принятия в ученики Бессмертного владыки Тяньюань отличалась от обычной. Особый наряд был чёрным, как чернила, символизируя, что положение Бессмертного владыки Тяньюань должно объять всё сущее. Ученик же был одет в белоснежное, символизируя чистоту сердца.

Двое, один в чёрном, другой в белом, смотрели друг на друга, словно разделённые вечностью.

В прошлой жизни было так же: Цзи Цаншэн, одетый в чёрный халат, совершающий злодеяния, и Хуа Буюй в белом, чистый и благородный. Они боролись всю жизнь, убивали всю жизнь, ненавидели всю жизнь.

А в этой жизни они стали учителем и учеником!

— Кхм, — раздался лёгкий кашель сбоку. Хуа Буюй понял, что отвлёкся, но... он не хотел преклонять колени.

Он не хотел преклонять колени.

Один раз став учителем, становишься отцом на всю жизнь. Разве это не значило признать врага своим отцом?

Но он должен был преклонить колени, потому что сейчас он был слишком слаб. Любой человек на этой церемонии, даже самый бездарный Чжэуа, мог легко убить его.

Хуа Буюй стиснул зубы, медленно опустился на колени и совершил три поклона, девять земных поклонов, не пропустив ни одного шага.

Он услышал, как Чжэуа с облегчением вздохнул.

— Церемония завершена! — провозгласил церемониймейстер, продолжая бормотать, но Хуа Буюй не слушал. Он должен был терпеть, он был вынужден терпеть.

— Прошу учителя дать мне имя, — почтительно произнёс Хуа Буюй.

Вокруг воцарилась тишина.

Принятие в ученики и дарование имени означало, что человек получал новую идентичность. Учитель становился равным отцу, и после дарования имени Хуа Буюй больше не был прежним Хуа Буюем. Как и Чжэуа, после того как Цзи Цаншэн дал ему имя, он называл себя только Чжэуа.

В прошлой жизни учитель был выбран им самим, поэтому Хуа Буюй не получил нового имени и использовал имя, данное ему матерью. А в этой жизни? Какое имя даст ему Цзи Цаншэн?

— Ты безымянный и безродный...

Хуа Буюй замер, даже не сдержав удивления, и поднял голову, увидев, как Цзи Цаншэн смотрит на него с серьёзным выражением лица.

— Всем известно, что я люблю цветы, поэтому дарю тебе фамилию Хуа.

Нет, не так!

Хуа Буюй ясно помнил, что вчера вечером Чжэуа спрашивал его имя и прозвище, а также просил написать их. Почему же Цзи Цаншэн сказал, что он безымянный и безродный, бродячий сирота?

Цзи Цаншэн ещё раз повторил завет предков, прежде чем произнести:

— Надеюсь, ты будешь усердно совершенствоваться, заботиться о людях, трудиться усердно, быть осторожным в словах и делах. Дарю тебе имя...

— Буюй.

Хуа Буюй.

— Всё, что было в прошлом, умерло вчера; всё, что будет в будущем, родится сегодня. Прежние страдания рассеялись, как дым, отныне ты будешь наслаждаться весенним ветром. Дарую тебе прозвище...

— Тахуа.

Хуа Буюй не мог не усмехнуться в душе. Его имя было далеко не таким прекрасным.

Его мать не имела имени, знала только, что муж был из семьи Хуа, и взяла его фамилию, даже не имея собственного имени, называя себя Госпожой Хуа.

Мать, не получившая образования, никогда не упоминала отца и с детства учила его, что, даже если жизнь тяжела, нужно жить с достоинством, терпеть трудности, но не говорить о них.

Что касается Тахуа, то это было ещё более абсурдно.

Незнающие могли подумать, что это связано с ароматом цветов под копытами лошади в Чанъане, но на самом деле это была лишь скрытая обида женщины на мужа.

Тахуа — растоптать фамилию Хуа.

Какое прекрасное «Буюй» для осторожности в словах и «Тахуа» для наслаждения весенним ветром. Даже сам Хуа Буюй мог бы поверить в это.

Зачем он так усердно придумывал ему имя?

— Благодарю учителя за прозвище, Тахуа обязательно оправдает ожидания, будет усердно учиться...

После изысканной церемонии принятия в ученики множество людей принесли подарки, чтобы выразить свои поздравления.

Все говорили, что он встретил хорошего учителя.

— Учитель так хорошо к тебе относится, дал тебе такое красивое имя.

Хуа Буюй услышал, как один из его, вероятно, старших братьев, пожаловался:

— Наши прозвища были выбраны учителем из названий поэтических форм.

— Да, Тахуа, наслаждение весенним ветром, белый конь, топчущий цветы, — сказал другой старший брат. — А посмотри на меня, Седьмая госпожа... Я же мужчина!

— Да ладно, я, Белый голубь, вообще не человек!

— В следующий раз, когда учитель будет принимать учеников, обязательно выбросьте эту табличку с божественным одобрением!

— Хах, — Хуа Буюй не смог сдержать смешка. Видимо, имя Чжэхуа было очень удачным.

Услышав его смех, окружающие перестали шутить, и юноша по имени Седьмая госпожа похлопал Хуа Буюя по голове:

— Добро пожаловать в семью, младший брат.

Хуа Буюй только сейчас заметил, что окружающие его люди были одеты в белые одежды, с собранными волосами, на поясе — узкий зелёный пояс с нефритовой табличкой размером в два пальца, на которой было выгравировано три иероглифа:

Врата Тяньюань.

Эти люди, вероятно, были его старшими братьями.

Хуа Буюй оказался в центре их круга, окружённый едва заметным барьером, который защищал его от любопытных взглядов и попыток проникнуть в его сущность.

Он был ещё слишком молод, и любой, кто захотел бы его прощупать, мог бы сделать это одним движением пальца. На этой огромной церемонии присутствовали сотни людей, и если бы каждый попытался тайно проникнуть в его сущность, тело Хуа Буюя не выдержало бы.

Но он не мог уйти, пока не получит все подарки. Без защиты старших братьев он, вероятно, уже бы потерял сознание.

— Спасибо... старшие братья.

Хуа Буюй почувствовал, как нос защекотал. Он был закрытым учеником Цзи Цаншэна, а эти старшие братья были лишь внутренними учениками, но они не испытывали зависти, а наоборот, пришли помочь.

Какие хорошие люди...

Хуа Буюй невольно подумал о будущем и ещё больше укрепился в своём решении усердно совершенствоваться, чтобы как можно скорее отправить этого демона в ад.

— Тахуа, что-то не так? — Чжэхуа, заметив его состояние, спросил с заботой. — Если тебе плохо, иди сначала домой, учитель... наверное, не будет сердиться.

— Нет, — Хуа Буюй покачал головой, быстро собрался и продолжал общаться, пока церемония не завершилась, после чего Чжэхуа отвёл его в комнату учеников.

Индивидуально сшитая одежда, собственная комната, специальное оружие для тренировок. Врата Тяньюань, будучи крупной сектой, не скупилась.

Хуа Буюй уже собирался раздеться и отдохнуть, как вдруг старший брат по имени Белый голубь ворвался в комнату, крича с порога:

— Тахуа! Тахуа, в какой ты комнате?

Хуа Буюй открыл дверь и спросил:

— Старший брат, что случилось?

— Ты... — Белый голубь схватил Хуа Буюя, зажал под мышкой и взмыл в воздух.

Ночь была густой, внизу, среди деревьев, слышалось редкое стрекотание насекомых.

Этот старший брат, который днём подшучивал над ним, теперь говорил серьёзно:

— Тахуа, запомни, что бы у тебя ни спросили, говори, что забыл, не знаешь, понял?

Продолжение следует.

«Всё, что было в прошлом, умерло вчера; всё, что будет в будущем, родится сегодня» — цитата из «Четырёх наставлений» господина Юань Хуана, также известного как «Наставления сыну».

<http://bllate.org/book/17680/1648222>